

Русские вне России. История пути. Таллин, 2008. С. 178–179; *Розенталь Р.* Влияние действий белогвардейской Северо-Западной армии на ход войны за независимость Эстонии (1918–1920) // Россия и Балтия. Вып. 5. М., 2008. С. 113–138.

⁵⁸ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 39. С. 348.

⁵⁹ ГА РФ, ф. 200, оп. 1, д. 115, л. 180.

⁶⁰ Там же, ф. 5680, оп. 1, д. 6, л. 106–107 об.

⁶¹ Там же, л. 61–63.

⁶² Там же, ф. 200, оп. 1, д. 115, л. 181–181 об.

⁶³ Там же, д. 285, л. 32.

⁶⁴ Там же, ф. 6851, оп. 1, д. 35, л. 4–5.

© 2011 г. И. А. ХОРМАЧ*

БОРЬБА И СОТРУДНИЧЕСТВО СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА С ЛИГОЙ НАЦИЙ В 1919–1934 годах

С момента создания Лиги Наций (1919 г.) прошло более 90 лет, но до сих пор актуально изучение позитивного и негативного опыта взаимодействия в ее рамках больших и малых государств с целью создания условий мирного существования и обеспечения экономического выживания в годы послевоенной разрухи. Для Советского государства деятельность Лиги Наций в период 1919–1934 гг. (до вступления СССР в организацию) имела огромное значение, и отношение Москвы к ее инициативам не всегда было отрицательным. В результате постепенного расширения участия в различных форумах и мероприятиях Лиги наша страна вовлекалась в международную жизнь, а затем перешла и к активной деятельности на мировой арене, вступив в число крупнейших держав, вершивших судьбы мира.

История Лиги Наций достаточно подробно разработана в мировой исторической литературе. В отечественной историографии имеются две работы, посвященные Лиге¹, и нет ни одного исследования по международной политике 20–30-х гг. XX в., в котором не упоминалась бы деятельность Лиги. Однако важный аспект – генезис отношений Советского государства и Лиги Наций до 1934 г. не анализировался учеными, а их оценки влияния Лиги на международную обстановку оставались негативными. Кроме того, для исследователей были недоступны многие открытые ныне материалы, отражающие политику Кремля в отношении этой международной организации. Использование документов Архива внешней политики РФ, Архива Президента РФ, опубликованных советских и зарубежных источников, материалов Лиги позволяет адекватно отразить взаимоотношения последней с Советским государством в указанный период, показать степень участия нашей страны в мероприятиях Лиги, изменение приоритетов в международной политике СССР и государств – создателей Лиги, приведшее к вступлению Советского Союза в эту организацию на правах великой державы.

После Октябрьской революции 1917 г. Советская Россия оказалась вне мирового сообщества, не принявшего внутреннюю и внешнюю политику правительства большевиков. Свои первые внешнеполитические контакты Советы установили с государствами, побежденными в мировой войне и оказавшимися в изоляции (Германия, Турция и др.), так как договориться с ними о сотрудничестве было проще. Также налаживались связи в технической, гуманитарной и экономической областях со средними и великими державами. Этого казалось достаточно в первые послереволюционные годы, когда были велики иллюзии в отношении быстрого восстановления хозяйства страны.

---

* **Хормач Ирина Александровна**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

В то же время серьезное беспокойство советского правительства вызвало создание в 1919 г. на Парижской мирной конференции Лиги Наций, формально не преемницы Антанты как военного блока, но союза уже изначально 44 государств (31 из них участвовало в войне на стороне Антанты), под давлением США, Франции и Великобритании, присвоивших себе право если не карать нарушителей Устава Лиги, то давать оценки действиям любых государств и проводить репрессалии.

Лига возникла как организация победителей, преследовала цель сохранения статус-кво Версальско-Вашингтонской системы и готовилась бороться против революционных и национальных движений, способных нарушить это равновесие. Она должна была стать координационным центром и разработать практические средства мирного урегулирования международных конфликтов в рамках стратегии ведущих держав, закрепить господствующее положение в мировой политике англо-франко-американской группировки. Деятельность Лиги Наций осуществлялась под диктатом держав-основательниц, но при решении определенной части международных проблем они искали компромиссы с малыми странами.

Вскоре Лига стала распространять свое влияние на уже существовавшие международные организации здравоохранения (МОЗ), труда (МОТ), Почтовый союз и др., вводить под свою эгиду международные конференции. Все это вызывало критическое отношение Москвы к Лиге и ее априорное отрицание, но не отказ от сотрудничества с учреждениями этой организации. Однако Лига привлекала к своей работе не советское руководство, а белогвардейские правительства, обещая оказывать им содействие в борьбе за власть в России. Враждебность Лиги проявилась и в попытках направить в РСФСР для сбора информации комиссии, состоявшие из представителей недружественных ей государств, а также при рассмотрении вопросов, касавшихся Москвы.

Чтобы укрепить положение страны на международной арене, руководство Народного комиссариата по иностранным делам (НКВД) РСФСР решило разработать план создания альтернативной международной организации. Место Лиги должен был занять Коминтерн (учрежден в марте 1919 г.). Однако вскоре стало ясно, что он пока не может вытеснить Лигу, и глава советского правительства В.И. Ленин решил не создавать новую организацию, а на государственном уровне поддерживать пацифистское крыло уже существующей, чтобы облегчить положение России и расколоть объединенные против нее буржуазные страны².

Члены Лиги Наций со своей стороны понимали, что разрыв веками складывавшихся отношений с Россией не позволит сохранить устойчивое равновесие в Европе, будет вызывать угрозу конфликтов и внутренних беспорядков под влиянием изолированного и поддерживаемого оппозицией большевистского государства. Они также были заинтересованы в привлечении Советской республики к деятельности комиссий и комитетов Лиги, занимавшихся практическими вопросами послевоенного возрождения хозяйства Европы, а также гуманитарными проблемами.

Именно при Ленине начали налаживаться первые контакты с различными органами Лиги. Значительную роль в процессе расширения сотрудничества сыграли наиболее дальновидные деятели Советского государства, особенно заместитель народного комиссара по иностранным делам М.М. Литвинов, настоявший на целесообразности пойти на уступки Лиге и принять предложения ее руководства сначала о техническом и гуманитарном сотрудничестве, а затем об экономическом, финансовом и политическом.

Становление отношений, даже с самой гуманной организацией Лиги – Красным Крестом – проходило не просто. Причем это было вызвано не только стремлением руководства органов Лиги не считаться с интересами Москвы, но и попытками советских представительств за рубежом вести революционную пропаганду³. Наиболее успешным стало сотрудничество Советской России с «техническими» организациями Лиги, так как это было необходимо для восстановления хозяйства страны.

Когда появилась возможность направить в органы Лиги Наций своих представителей, Москва не отказалась воспользоваться случаем. Не меняя своего негативного отношения к «союзу империалистов», советское правительство решило согласиться участвовать в конференциях и комиссиях Лиги, если это могло принести экономическую и политическую пользу, и добиваться восстановления прежних позиций России в решении мировых проблем. Имелись планы ввести в Лигу в качестве самостоятельного субъекта и международную делегацию трудящихся.

Рубежом в отношениях Лиги Наций и Советской России можно считать участие ее и союзных республик в Генуэзской (апрель–май 1922 г.) и Гаагской (июнь–июль 1922 г.) международных конференциях, организованных Лигой, хотя Москва не рассматривала это как взаимодействие с международной организацией. Именно тогда возникло взаимное понимание возможности сотрудничества, невзирая на разницу в идеологии и организации хозяйства, начался поиск компромиссов.

Но одновременно готовились проекты создания вне Коминтерна альтернативного Союза народов. Первый такой проект появился в ходе подготовки к Генуэзской конференции (март–апрель 1922 г.). Он был составлен народным комиссаром иностранных дел Г.В. Чичериным на основе ряда пунктов ленинской пацифистской программы. В документе подчеркивалось, что Лига Наций – «просто орудие Антанты», используемое против Советов. Причем одна из главных составляющих ее деятельности – разрешение международных конфликтов путем арбитража – считалась недопустимой для Советского государства. Чичерин не критиковал планы Лиги в области экономической интеграции, но отмечал, что участие в ее проектах было бы невыгодно России, поскольку это могло привести к экономическому закабалению страны.

Нарком предлагал создать новую организацию – Всемирный конгресс – на принципах равноправия народов, участия рабочих в его руководящих органах, невмешательства во внутренние дела государств, помощи слабым странам. Конгресс должен был действовать исключительно моральным авторитетом. Учитывая слабость Советской России, предлагалось исключить применение военных санкций. Проект содержал также пункты о всеобщем сокращении вооружений, развитии экономического сотрудничества, восстановлении мирового хозяйства на основе перераспределения природных богатств и золотых запасов американских банков, интернационализации мировой транспортной системы⁴.

Создавалась идиллическая картина всемирного сотрудничества на благо общества. Не учитывалось только отношение к этому государств, жертвовавших своими ресурсами, материальными благами, рабочей и интеллектуальной силой. Чичерин и сам понимал, что его проект нереален. Скорее всего, это был пропагандистский документ государства, претендовавшего стать образцом социального и политического равноправия. Правда, на Генуэзской конференции он огласил не свой проект, а программу советского правительства, содержавшую согласие сотрудничать с реформированной Лигой Наций. Но идея не умерла, и время от времени как ярый противник такого сотрудничества нарком поднимал вопрос о подготовке проекта альтернативной организации в основном с целью воспрепятствовать попыткам налаживания отношений с Лигой. До определенного момента он находил поддержку в Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б).

Члены Лиги Наций не принимали всерьез заявления Москвы о создании новой международной организации, а к середине 1920-х гг. начали поднимать вопрос о возможности если не привлечения СССР в Лигу, то более интенсивного сотрудничества с ним. Этому способствовала активность советских делегаций на Генуэзской и Гаагской конференциях, а также расширение взаимодействия СССР с МОЗ, Транспортной комиссией и другими гуманитарными и техническими организациями Лиги.

Указанная тенденция окрепла после интервью Чичерина корреспонденту аргентинской газеты «Ла Насьон» 25 июня 1924 г., где он, уже не требуя создания новой международной организации, заявил, что вступлению СССР в Лигу препятствуют диктат некоторых стран и право применения санкций против одного из членов Лиги⁵. Стало очевидным постепенное изменение позиции Кремля, и наметились основные темы,

которые можно было бы обсуждать в рамках Лиги или на организуемых ею мероприятиях. Однако Чичерин опасался, что сторонники сотрудничества с Лигой могут зайти слишком далеко, и 5 ноября 1925 г. он написал Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину, что министр иностранных дел Великобритании Дж.О. Чемберлен планирует уничтожить СССР, добившись его вхождения в Лигу⁶, причем нарком представлял эту позицию зарубежным представителям, как государственную. В результате НКВД обнародовал опровержение слухов об изменении отношения советского руководства к Лиге Наций⁷. Одновременно, вопреки очевидной необходимости, Чичерин предложил отказаться от приглашений на крупнейшие международные мероприятия, в которых СССР был заинтересован, – конференции экономической и по разоружению.

Между тем во внешней политике Кремля борьба за сокращение вооружений и разоружение занимала особое место и стала одной из главных причин развития сотрудничества с Лигой, считавшей ограничение вооружений одной из своих основных задач. О таком сотрудничестве многократно говорилось на разных уровнях. Однако на первых этапах СССР не допускали к обсуждению принципов сокращения вооружений. Так, его не пригласили на Вашингтонскую конференцию по ограничению морских вооружений тихоокеанских держав 1921–1922 гг., попытка Москвы на Генуэзской конференции поднять вопрос о разоружении не встретила понимания, а ее самостоятельные инициативы в этом вопросе также не удались. Московская конференция 1922 г. по сокращению вооружений, на которую были приглашены представители Эстонии, Польши, Латвии и Финляндии, только показала, насколько сильным оказалось стремление всех правительств (в том числе и СССР) укрепить свои позиции за счет разоружения соседей.

Зато когда Секретариат Лиги пригласил советское правительство принять участие в Римской конференции 1924 г. по распространению принципов Вашингтонского договора о сокращении морских вооружений на все государства, не участвующие в нем, и присоединиться к договору о запрещении применения удушливых газов и других варварских средств ведения войны, Политбюро приняло решение немедленно согласиться, оговорив при этом, что отношение Москвы к Лиге Наций остается неизменным⁸.

Подготовкой к конференции занялись НКВД, Реввоенсовет и Морской штаб СССР. Была разработана программа действий советских экспертов с учетом великодержавных претензий СССР, особенностей географического положения страны, слабости ее вооружений, почти полного отсутствия находившихся в боевой готовности линейных судов. В связи с этим учитывались не текущие потребности и возможности СССР, а оптимальный для его обороны уровень вооружений⁹. В процессе подготовки документов возникли трения между группой Литвинова, выступавшей за компромисс при решении таких сложных вопросов, и сторонниками Чичерина, требовавшими выдвинуть на конференции жесткие требования и нереальные даже для СССР предложения. Политбюро поддержало Литвинова. И все же принятая программа содержала немало политических требований и на конференции вызвала удивление других стран своей неконструктивностью. Но в Риме советская сторона пошла на определенные уступки и проявила гибкость. К сожалению, ряд обязательных требований (закрытие Черноморских проливов, устранение Совета Лиги Наций от контроля за выполнением решений конференции и др.) сделали компромисс невозможным¹⁰. Борьба за права СССР не принесла существенных плодов из-за недостатка реализма в советской программе.

Адекватной оценке Кремля возможностью прийти к какому-либо соглашению с международным сообществом по важнейшим вопросам препятствовали как уверенность Москвы, что ее предложения не будут приняты, так и отсутствие представителей СССР в аппарате Лиге Наций, хотя бы с информационными целями. Первым этот вопрос поднял сам Секретариат Лиги в 1924 г., но Чичерин считал, что посылка даже наблюдателя в Лигу станет солидаризацией с ней и отказом от принципиальных позиций. Литвинов же настаивал, что наличие наблюдателя в Лиге повысит международный престиж страны, позволит оказывать на Лигу давление и вести агитацию среди делегатов.

Политбюро склонялось принять предложение Литвинова, но потребовало предоставить наблюдателю от СССР равные права с другими и совещательный голос. Лига на это не пошла. В результате СССР продолжал довольствоваться минимальной информацией при обсуждении в Лиге вопросов о сокращении военных расходов и вооружений, о контроле над торговлей оружием и о Женевском протоколе (1924 г.), объявившем наступательную войну международным преступлением, а также о созыве в 1925 г. конференции по разоружению для разработки соглашения о сокращении вооружений.

После принятия Локарнского гарантийного пакта 16 октября 1925 г. между Германией, Бельгией, Великобританией, Францией и Италией и ряда арбитражных соглашений, а также введения в Лигу Наций Германии на правах великой державы роль этой международной организации возросла. Теперь все серьезные конфликты передавались в конечном итоге на рассмотрение Совета Лиги. Локарно стало очередным толчком к привлечению СССР в Лигу, но Москва дистанцировалась от прямого сотрудничества. Ею было сделано заявление о незыблемости отношения СССР к Лиге Наций и намерении противопоставить политике империалистических государств заключение серии договоров о ненападении и невмешательстве в вооруженные конфликты третьих государств, которые смогут-де дать достаточные гарантии против войны¹¹.

И все же под давлением Литвинова советское руководство приняло решение участвовать в работах Подготовительной комиссии к конференции по разоружению, однако одновременно разрабатывалась и схема новой международной организации¹². 27 марта 1926 г. Литвинов представил Коллегии НКВД проект тезисов по созданию Содружества народов, основными принципами которого провозглашались: отказ от политики аннексий, право народов на борьбу за самоопределение, сокращение вооружений, соблюдение интересов слабых наций, свобода морей и др. А методы формирования органов сообщества и характер их действий он заимствовал из Устава Лиги Наций, внося изменения, учитывавшие, что СССР должен играть в Содружестве одну из главных ролей¹³. Однако вопрос о создании альтернативной организации в Политбюро рассматривать не стали. Отказ от пропаганды планов «кремлевской Лиги» содействовал переходу к реальному диалогу СССР с западными державами.

В декабре 1926 г. по настоянию Литвинова Политбюро приняло постановление об участии СССР в Конференции по разоружению и Подготовительной комиссии¹⁴. Был утвержден состав делегации и определен круг ведомств, готовивших для нее программу и инструкцию. Особое внимание уделялось определению границ возможных уступок. И все же требования военных оказались чрезмерны – они были направлены на всеобщее полное разоружение или на разоружение всех партнеров и сокращение тех типов вооружений Красной армии, которые либо не существовали, либо устарели и были обременительны для СССР¹⁵.

К сожалению, из-за конфликта со Швейцарией, где проходили заседания Подготовительной комиссии, советская делегация смогла участвовать в ее работе только с IV сессии (1927 г.), когда уже подготовили более или менее согласованный вариант проекта документа о сокращении вооружений, и некоторые страны представили на обсуждение различные инициативы, касавшиеся вопросов разоружения и безопасности. Советский проект полного разоружения оценили как фантастический, но все участники форума одобрили отсутствие враждебности у советской делегации и намерение СССР немедленно подписать договор о запрещении применения ядовитых газов и бактериологического оружия. Москва даже согласилась участвовать в работе создаваемого Комитета арбитража и безопасности Лиги. Литвинов остался доволен итогами работы советской делегации на IV сессии, отмечал дружелюбие и высокий профессионализм Секретариата Лиги, стремился расширить участие страны в деятельности учреждений Лиги, причем во всех выступлениях говорил о том, что СССР не против Лиги как таковой, но против ее формы и состава Совета. Подготовленный же Лигой проект он называл путанным и нереальным.

К следующей сессии под нажимом заместителя наркома иностранных дел советские программы полного и частичного разоружения были детализированы и упрощены, чтобы представить на обсуждение конкретные предложения. На V сессии советский проект всеобщего разоружения назвали демагогической пропагандой, хотя Литвинов сделал все возможное, чтобы оттенить его положительные моменты, а обсуждение проекта о прогрессивно-пропорциональном сокращении вооружений было отложено.

На VI сессии (1929–1930 гг.) предложенный советской делегацией документ рассмотрели, но решили базироваться на проекте, подготовленном комиссией, хотя ряд конкретных технических предложений советской делегации по разоружению и безопасности был принят или учтен. Окончательный вариант проекта Конвенции по ограничению вооружений летом 1930 г. передали на обсуждение конференции по разоружению.

Деятельность Лиги в этот период не ограничивалась проблемами разоружения, а охватывала все основные проблемы международной жизни. В мае 1927 г. СССР принял участие в работе Международной экономической конференции, собранной для введения международного регулирования экономических проблем, являвшихся одной из причин конфликтов. Основной задачей конференции стало упрощение таможенных формальностей всех государств.

Подготовленная советскими специалистами программа содержала меры по оживлению внутренних рынков, пути расширения международной внешней торговли и, разумеется, политико-пропагандистскую составляющую, сводившую на нет все ее рациональные предложения такими требованиями, как национализация банков и др. Основной задачей делегации СССР были агитация и критика капиталистической системы, более того, она должна была препятствовать осуществлению плана руководителей конференции – устранить противоречия между ведущими буржуазными странами. Этого она не добилась, так как проект договора об отмене запретов и ограничений при ввозе и вывозе товаров был подготовлен и принят всеми делегациями, кроме советской.

И все же выступления советских представителей в целом были приняты положительно, поскольку они явно подтверждали отказ СССР от экспорта революции, его переход к сотрудничеству со всеми странами в финансово-экономической сфере. Кроме того, при доработке проекта советские эксперты активно работали в специальных комиссиях конференции. К сожалению, из-за жестких ограничений, советские представители не смогли подписать или принять даже те положения, которые были приемлемы для СССР¹⁶. Для более продуктивного сотрудничества с Лигой необходимо было иметь хотя бы одного представителя в ее органах.

К концу 1927 г. в борьбе между группировками Чичерина и Литвинова в отношении степени вовлечения СССР в деятельность Лиги Наций постепенно стала побеждать более гибкая линия Литвинова. Несмотря на ряд проблем, вызванных отсутствием единой линии дипломатического ведомства, чему не могло помешать даже вмешательство Политбюро, прагматически настроенным дипломатам удалось сделать очередной шаг вперед: 5 января 1928 г. Политбюро приняло резолюцию о целесообразности участия СССР в «Совещательном экономическом комитете Лиги Наций». Сотрудничество СССР с Лигой по международным экономическим вопросам стало развиваться легче и полнее. Шло добровольно-принудительное влияние СССР в Лигу. 20 января 1928 г. Коллегия НКВД приняла постановление о признании принципиально необходимым не уклоняться от участия в конференциях, созываемых Лигой Наций по вопросам практического характера, которые можно решить только путем многосторонних соглашений.

Но такие инициативы, как создание «пан-Европы» (1929 г.), куда СССР не включили, вызывали опасение и тревогу. Однако в 1931 г. Литвинов сумел добиться приглашения на заседания комиссии Лиги по интересующим страну вопросам, прежде всего экономическим (изучение мирового экономического кризиса), а потом настоять

на принятии Политбюро этого приглашения. Заместитель наркома иностранных дел подчеркивал, что главное – добиться участия в решении европейских проблем и не допустить создания антисоветского фронта¹⁷. Советские представители в Комиссии показали себя как квалифицированные инициативные специалисты, подготовившие ряд конструктивных проектов и предложений.

Москву стали приглашать на многие мероприятия, связанные с деятельностью пан-Европы. Например, на международные конференции по тарифам, зерну и др., где советские делегации приняли активное участие, одновременно пытаясь решить ряд важных для СССР проблем, в том числе снять обвинения в демпинге. Но их полномочия были чрезвычайно ограничены, и реальные возможности повлиять на позицию ведущих стран по целому ряду экономических вопросов оказались упущены. И все же некоторые советские инициативы в панъевропейской комиссии (например, соглашение об экономическом перемирии) получили высокую оценку специалистов других делегаций, и теперь уже не было разговоров о равноправии СССР – он все активнее включался в работу Лиги Наций, ее комиссий и подкомиссий, что ранее было невозможно¹⁸. Экономический кризис, создав почву для сотрудничества в борьбе с его последствиями, повлиял на позиции всех государств, в том числе и СССР.

К концу 1932 г. деятельность панъевропейской комиссии сошла на нет, но СССР был представлен на других форумах Лиги, в том числе на Международной экономической конференции в Лондоне в 1933 г. И все же главным событием стала конференция по разоружению 1932–1934 гг. Ведь именно в этот период сложилась обстановка, изменившая соотношение сил в Европе и мире и сделавшая не только возможным, но и необходимым вступление СССР в Лигу Наций.

Первый серьезный конфликт (между Китаем и Японией 1931–1933 гг.), нанесший удар по Лиге и Версальско-Вашингтонской системе, не получил разрешения в организации. Немалые опасения международного сообщества вызывало усиление реваншистских стремлений Германии. В сложившейся обстановке Москва стала расширять отношения с Францией и ее союзниками. Одновременно укреплялось положение СССР на конференции, несмотря на то что многие инициативы Кремля расценивались как утопичные или пропагандистские, советская делегация стала гораздо активнее сотрудничать с руководством Лиги и ее органами. В первую очередь, чтобы избежать неверной трактовки или подтасовки сведений о положении в стране, Москва стала представлять сведения о советских вооруженных силах. Затем она поддержала предложение Италии «О перемирии в вооружениях на время конференции», изменила в сторону смягчения и упрощения формулировки в советском проекте о сокращении вооружений и приняла ряд статей проекта Лиги Наций. Удалось достичь консенсуса при решении ряда конкретных вопросов. И, хотя проект Лиги признавался принципиально неприемлемым для СССР и наоборот, в Москве решили, что делегация не покинет конференцию и заявит о готовности поддержать любые соглашения, направленные на обеспечение безопасности.

Из-за серьезнейших разногласий с Германией и Японией на форуме не удалось заключить соглашения об ограничении вооружений ни в каком варианте. Лига переживала тяжелые времена, и заявления о выходе из нее Германии и Японии (1933 г.), взявших курс на довооружение и агрессию, ослабили организацию, но одновременно и подготовили ее членов к сотрудничеству против опасности мировой войны. К концу 1933 г. советское руководство окончательно утвердилось в намерении вступить в Лигу Наций, но пока не решило, на каких основаниях и с какими обязательствами. 25 декабря И.В. Сталин заявил, что после ухода Германии и Японии Лига может задержать возникновение военных действий или помешать им, и СССР поддержит Лигу, «несмотря на ее колоссальные недостатки»¹⁹.

В 1934 г. международная обстановка ухудшилась. Присутствовали все элементы возрождения старых довоенных группировок, ревизионистские государства стали угрожать миру. В ситуации дальнейшего обострения международного положения,

военных событий на Дальнем Востоке и нарастания угрозы войны в центре Европы вопрос о разоружении стоял особенно остро. Но конференция стала местом торга за военные преимущества и борьбы за расстановку сил накануне новой мировой войны. Страны теперь вооружались открыто. Требовалось создание ядра лидеров, способных направить действия Лиги на создание системы коллективной безопасности.

Перед лицом опасности нападения со стороны Германии руководители Австрии, Франции и Чехословакии стали проявлять заинтересованность в сотрудничестве с СССР для противодействия нацистской агрессии. Москва была к этому готова, поскольку стал очевиден провал конференции по разоружению даже после взаимных и немалых уступок при подготовке текста соглашения. Несмотря на противодействие В.М. Молотова, Литвинову удалось склонить Кремль к вступлению в Лигу, чтобы использовать ее в борьбе с агрессией. Для решения вопроса в нужном русле, Москва воспользовалась посредничеством ряда государств, прежде всего Франции. 15 сентября 1934 г. 30 членов Лиги обратились к советскому правительству с приглашением вступить СССР в члены Лиги. 18 сентября после соответствующей процедуры СССР был принят в члены Лиги и стал постоянным членом ее Совета. Москва знала недостатки организации, но в осложнившейся международной обстановке считала, что в Лиге значительно возрастут ее возможности для создания единого фронта сопротивления агрессии, а для Советского Союза откроются новые пути для укрепления позиций влияния в мире и укрепления экономики страны.

Итак, история отношений Советского государства с Лигой Наций в 1919–1934 гг. отразила их взаимную заинтересованность в развитии всесторонних контактов, причем со стороны СССР – в большей степени. Проблемы, связанные с различием идеологий, систем хозяйства, внутренней и международной политики, надолго растянули процесс установления взаимопонимания и сотрудничества, но не стали непреодолимым препятствием. СССР вступил в Лигу и стал активнейшим ее членом.

Примечания

¹ *Илюхина Р.М.* Лига Наций. 1919–1934 гг. М., 1982; *Хайцман В.М.* СССР и проблема разоружения. М., 1959.

² АВП РФ, ф. 141, оп. 11, д. 3, л. 50–54.

³ Архив Президента РФ (далее – АП РФ), ф. 3, оп. 63, д. 172, л. 1–4, 6–15.

⁴ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 44. С. 383; Т. 45. С. 34–40, 63, 406–408, 505.

⁵ Там же. Т. 44. С. 391.

⁶ АП РФ, ф. 3, оп. 63, д. 168, л. 33, 40.

⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 8. М., 1966. С. 687–688.

⁸ АП РФ, ф. 3, оп. 63, д. 174, л. 1–3.

⁹ АВП РФ, ф. 054, оп. 6, д. 49, л. 26–27.

¹⁰ Там же, ф. 0415, оп. 1, д. 6, л. 11–12; ф. 54, оп. 7, д. 48, л. 36.

¹¹ АП РФ, ф. 3, оп. 63, д. 168, л. 33, 40; Документы внешней политики СССР. Т. 9. М., 1967. С. 487.

¹² АП РФ, ф. 3, оп. 63, д. 168, л. 57.

¹³ См. подробнее: *Хормач И.А.* Проект «кремлевской» Лиги Наций, 1920-е годы // Отечественная история. 2008. № 3. С. 52–62.

¹⁴ АП РФ, ф. 3, оп. 63, д. 174, л. 80.

¹⁵ АВП РФ, ф. 04, оп. 50, д. 54734, л. 12–15; ф. 054, оп. 96, д. 14, л. 3–4, 8.

¹⁶ АП РФ, ф. 3, оп. 63, д. 172, л. 6–11, 57; АВП РФ, ф. 141, оп. 11, д. 3, л. 14; ф. 54, оп. 10, д. 2, л. 27, 46–47.

¹⁷ АП РФ, ф. 3, оп. 63, д. 173, л. 9.

¹⁸ Там же, л. 45–46, 54–55, 81–82; Документы внешней политики СССР. Т. 10. М., 1968. С. 569–570; Т. 14. М., 1972. С. 242–243.

¹⁹ Документы внешней политики СССР. Т. 16. М., 1974. С. 768.